

Отзыв официального оппонента

о диссертации Чжан Хуэйчжэнь «Рецепция творчества Антона Чехова в китайской литературе» на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Диссертация Чжан Хуэйчжэнь посвящена решению масштабной задачи. Чеховское творчество сегодня в силу масштаба отнимает у исследователя ясную перспективу, в этом заключается трудность исследования. Взятое как целостное явление чеховское наследие не просто становится в работе объектом для трудной задачи, но это еще достаточно редкая ситуация, почти невозможная для литературоведения отечественного, когда возникает возможность взглянуть на творчество как единство.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы, насчитывающего 209 наименований. Композиционно работа достаточно хорошо сбалансирована, это позволяет обратиться к композиции идейной, которую можно рассмотреть на примере понятий, выведенных в формулировке темы: творчество писателя, рецепция, китайская литература.

Первая глава, посвященная эволюции восприятия чеховского творчества в Китае, привлекает внимание попыткой реконструкции социальной роли и качества китайских переводов Чехова. В ней учтен богатый, разнородный материал, и рассматривается он под углом изменчивости – одного из главных аспектов исследования. В этой главе показана динамика внимания к Чехову в XX веке. И перед читателем диссертации возникает, в общем, критика китайского литературоведения; построенный ряд – это пристрастный анализ, поиск критериев понимания чужой литературы и попытки наметить главные тенденции в восприятии – как тупиковые, так и перспективные.

Глава ценна своими позитивными данными, например, статистикой переводов Чехова (с. 36-37), учетом диссертационных исследований. Интересно и поучительно показано влияние на перевод национальных культурных клише, которые, вероятно, нельзя вписать в существующую концепцию доместикации. Вызывает любопытство соотношение рассказов Чехова в различных изданиях переводов: эта сюжетная линия обнаруживает в китайском переводе потенциал литературно-критического свойства, показывая, насколько переводчик остается независимым, остается литератором и ценителем литературы.

Глава вторая «Чехов и китайская литература» открывается теоретическими выкладками: переходя от трудов А.Н. Веселовского и В.М. Жирмунского к работам наиболее ярких ученых и, в том числе, чеховедов второй половины XX века, соискательница продолжает изучение прагматики китайской литературы, стремящейся к идеалу чеховской прозы, и таким образом достигает нескольких вершин, знакомя нас с наследием Лу Синя, Е Шэнтао, Лин Шухуа, Ху Ши, Шэня Цунвэня и Ба Цзиня. Методологически раздел универсален, он демонстрирует прекрасное владение различными приемами литературоведческого анализа, работу с биографическим материалом, анализ литературных связей китайских переводчиков и мыслителей и поэтики перевода, компаративные штудии.

Второй раздел главы – «Чехов и китайская литература новейшего времени» – представляет собой емкий эпизод, связанный с осмыслением переворота в литературе конца XX века и его последствий. В данном параграфе предметом анализа становится деятельность писателей, учившихся у переводчиков и прозаиков первого поколения, а значит, намечается линия преемственности в новую эпоху. На мой взгляд, это самый острый эпизод в исследовании, способный поставить под вопрос концепцию исследования, к этому ведёт изменившаяся идеология новейшего этапа, осознание некоторой чуждости ей Чехова. Герои этого раздела – такие писатели, как Ван Мэн, Чжан Цзе, Фен Цзицай... Один из любопытных мотивов здесь – попытки писателей героизировать Чехова, не только его образы, вплести что-то из его произведений в ткань китайской жизни.

Третья глава «Творчество А. Чехова в свете китайского мировидения» рассматривает феномен необыкновенного по своей пристальности внимания китайской словесности к Чехову на философской дистанции. Чтобы рассмотреть это, соискательница обращается к труднейшему вопросу о религии и религиозности Чехова. Здесь, конечно, важны акценты, иными словами стиль, мироотношение писателя, его эстетика. В обращении к работе о. Сергия Булгакова (с. 120 и далее) важно учесть, что именно религиозный мыслитель первым поставил вопрос о философском значении чеховского наследия. Можно надеяться, что обращение к конфуцианству поможет понять Чехова, но я думаю, что и без этой отсылки трудно разобраться в его наследии. С другой стороны, последование от идеи к этичности в самом деле очень интересная проблема. Этим Чехов вызывает много вопросов даже и у своих оппонентов. И здесь диссертация вызывает много вопросов, но это полемическое отношение может говорить о твердости позиции молодой исследовательницы и заставляет не только надеяться

на усложнение ее позиции в дальнейшем, но и на то, что появится новый комментатор, толкователь Чехова.

Разбор основных элементов конфуцианства очень уместен в завершающей фазе исследования, ведь она должна восстановить равновесие, словно нарушенное в начале обозначенными целями и лакунами в наших представлениях. Нельзя отказать автору в тонком остроумии. Чехов оказался, как и все великие, заложником мировоззрения. Оно усиливалось той его привычкой, которая мешала говорить ему о себе без самоиронии. Так что и здесь разобраться в деле непросто. Тем более что увлекательное сопоставление мировоззренческих аспектов на первых порах словно вытесняет из поля зрения китайских писателей, но понемногу диссертантка дает им место в создаваемой картине убеждений, и сопоставление возобновляется. И внимание к размышлениям о Сергия Булгакова здесь довольно важно. Редко, когда так глубоко в него погружаются, не останавливаясь перед первыми его метафорами. Но нужно учесть, что, следуя за идеей А.П. Чудакова, Чехова мы воспринимаем как «человека поля» (с. 133), а не середины.

Во втором разделе 3-й главы предметом анализа становятся рассказы Чехова, в которых, по мнению исследовательницы, проявляется близкое конфуцианству начало. Существенно, что она начинает с более-менее ранних произведений: «Панихиды», «Врагов», «Верочки» и, конечно, «Счастья» и «Свирели». Тут упоминается и пьеса «Иванов», хотя в целом драматургия как-то оставлена в этой работе. Трактовки некоторых произведений не совсем безупречны (н-р, два любовника героини «Рассказа неизвестного человека» или солдатское положение Павла Иваныча в «Гусеве» - с. 143). Автор диссертации подводит итог: «в художественном мире Чехова <...> весьма отчетливо просматривается спонтанное принятие автором основных конфуцианских парадигм или принципов».

Попытки осмыслить историю и подвергнуть ее периодизации составляют сильную сторону рассматриваемого диссертационного сочинения.

Сосредоточусь на деталях, требующих обсуждения и вызывающих полемику. В первую очередь трудно согласиться с постулатом, выдвинутым как нечто очевидное: «Влияние творчества Чехова на китайских писателей нового и новейшего времени идентично влиянию этого мастера слова на всех российских и зарубежных писателей» (с. 3). Здесь взята иная перспектива понимания китайского как зарубежного. А с другой стороны, возникает риск вытеснения

языковой специфики. Дело ведь в том, что некоторые из затронутых далее аспектов сопоставления не существуют вне языка.

Однако, подчеркивая глубокое внимание китайских писателей, переводчиков и ученых к творчеству Чехова, соискатель отчасти компенсирует данную односторонность, потому что не отказывается называть некоторые искажения в представлениях о творчестве писателя, предопределенные историческими реалиями. И таким образом выявляются социально-исторические законы, повлиявшие на характер усвоения Чехова китайской традицией. Это, например, крен в «утрированный социологизм» в истолковании творчества, это «реалистическая» однозначность в истолковании чеховской эстетики в представлениях китайских литературоведов и пр. (с. 4). В таких емких оценках, требующих и глубокого знания, и определенного мужества, каждая упомянутая работа вносит в обзор соискательницы исторические реалии, позволяя ощутить общую атмосферу китайского «чеховизма».

Работу отличает взвешенный, хорошо структурированный подход к анализируемому материалу, что выражается в осмыслении вклада, который вносит соискательница в литературоведческую науку. Многие эпизоды вызывают обсуждение, эти моменты в отзыве, к сожалению, приходится опускать, но все же нельзя не отметить их ценности. Таков, например, внушительный отрезок в истории идей от эпохи Веселовского к времени Жирмунского, эпизод, обозначающий «спонтанную близость» установок Чехова и конфуцианства (с. 5, 137) и т.п., что заставляет ставить вопросы не только по отношению к поэтике китайской прозы, но и возвращаться к Чехову.

Основные результаты диссертации представлены в 5 научных статьях, 4 из которых входят в перечень рецензируемых изданий, рекомендованных ВАК РФ.

Автореферат отражает содержание работы, в нем раскрыты основные положения диссертации.

Многие детали мы обсудили с автором и достигли взаимопонимания. Я остановлюсь на одном только эпизоде и затем перейду к заключению. У Чехова нет рассказа «В изгнании» (с. 13), но есть «На чужбине». Неблизкие заголовки, это очевидно. Но при этом заметно, насколько погружена соискательница в материал и насколько ревностно она служит делу. Улавливая переводчиков и исследователей на какой-либо неточности, неизменно фиксирует ее, начиная тут же поиск точки, в которой эта ошибка была бы исправлена — следующим переводчиком или следующим поколением литераторов. В этой ситуации не

важно, кто на чужбине, а кто в изгнании, — существенно положение исследовательницы на грани двух миров, ее объективности.

Высказанные замечания и вопросы не умаляют значимости проведенного исследования, которое содержит ценные результаты, позволяющие по-новому взглянуть на восприятие чеховских произведений в Китае, историю переводов их на китайский язык, специфику интереса к Чехову в Китае.

Рецензируемая диссертация представляет собой завершенную научно-квалификационную работу и отвечает требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, согласно п. 2.2 раздела II Положения о присуждения ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», утвержденного ученым советом РУДН протокол № УС-1 от 22.01.2024 г., а её автор, Чжан Хуэйчжэнь, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации».

Официальный оппонент:

Ахметшин Руслан Борисович, кандидат филологических наук (специальность 10.01.01 – Русская литература), доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, lab.ruslit@xmail.ru, +7(495)9392604

26.09.2025.

Ахметшин Руслан Борисович

Подпись сотрудника филологического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
Р.Б. Ахметшина удостоверяю:

